

УДК 94(100)»1946/91»
ББК 63(0)63
Н64

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Фото на обложке: Большая тройка и ее министры иностранных дел в дворцовом саду конференц-зала Потсдама. Сидят, слева направо: Клемент Р. Эттли, Гарри С. Трумэн, Иосиф Сталин. Стоят: адмирал Уильям Д. Лихи, Эрнест Бевин, Джеймс Ф. Бирнс и Вячеслав Молотов. 1 августа 1945 г.
(Президентская библиотека и музей Гарри С. Трумэна)

Никонов, Вячеслав Алексеевич.

Н64 От Второй мировой к холодной войне. Немыслимое / В.А. Никонов. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 944 с.

ISBN 978-5-17-165581-5

Немыслимым назывался разработанный в Великобритании уже в мае 1945 года план немедленной войны с Советским Союзом силами английских, американских и германских войск. План не был реализован, но, казалось, неммыслимое произошло: за несколько месяцев союзнические отношения времен Второй мировой войны превратились в холодную войну, которую Уинстон Черчилль фактически объявил в Фултонской речи в марте 1946 года. Как это произошло? Ответ вы найдете в книге известного российского политика, аналитика и телеведущего В.А. Никонова. Вы узнаете, что происходило в это время в кремлевских коридорах власти, столицах ведущих мировых держав, в странах Запада и Востока, в умах их лидеров. Как была создана ООН, как началась атомная эра, как капитулировала Япония. И откуда нынешняя враждебность к нам западных элит.

УДК 94(100)»1946/91»
ББК 63(0)63

ISBN 978-5-17-165581-5

© В.А. Никонов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ВВЕДЕНИЕ

В мае 1945 года весь мир праздновал победу над Германией. Для нас это была ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА, ставшая символом бессмертного подвига народа, его триумфа и горечи потерь.

События 1945 года привлекают особое внимание всех, кому дорога память о подвиге наших отцов, дедов и прадедов. Моя книга «28 мгновений весны 45-го» была о том, как завершалась битва с нацизмом в Европе.

Но история продолжила свой неумолимый ход. Лето 1945 — весна 1946 года были временем поистине горячим, во многом определявшим ход последующей мировой политики. И об этом времени мы знаем гораздо меньше, чем об истории Великой Отечественной.

Вторая мировая война продолжалась, Азиатско-Тихоокеанский регион оставался ареной сражений. Милитаристская Япония по-прежнему оккупировала огромную часть Китая и Юго-Восточной Азии.

В Европе нарастали противоречия между недавними союзниками. В Великобритании и США уже начали задумываться о войне с Советским Союзом. В полной мере обозначились линии водоразделов между СССР и англосаксами, определившие основные контуры и «фронты» холодной войны.

Дух сотрудничества военных лет отходил в прошлое, что в полной мере проявилось в ходе главного дипломатического события завершающего этапа Второй мировой — Потсдамской конференции, последней в череде встреч трех великих союзников — СССР, Соединенных Штатов и Великобритании. О чем говорили тогда Сталин, Трумэн и Черчилль?

Летом 1945 года началась атомная эра мировой политики: впервые и единственный раз в истории было применено ядерное оружие. Были уничтожены Хиросима и Нагасаки. Атомный фактор окажется одним из решающих в современной истории человечества.

Блестящая военная операция Красной армии против Квантунской армии стала ударной точкой во Второй мировой и открыла новый этап в истории освобожденного Китая.

Начиналась холодная война, сделавшая мир ареной биполярной конфронтации между Советским Союзом вместе с его союзниками и Соединенными Штатами с их сателлитами. Ответственность за развязывание холодной войны обе стороны поспешили возложить друг на друга. Позднее появились нюансы в определении степени ответственности каждой из сторон. Однако вопросы о том, кто, как, когда, почему, зачем начал холодную войну до настоящего времени ни в коем случае нельзя считать исчерпанными и закрытыми, хотя трудов на эту тему десятки.

Сегодня, когда конфронтация между Россией и тем же западным миром во главе опять же с США вышла на качественно новый уровень, уровень гибридной войны на всех фронтах, фронт исторический обретает растущую актуальность и остроту.

Когда началась холодная война? Ответ не столь однозначен. Коль скоро речь шла о противостоянии двух систем — социалистической и капиталистической, — то значит, считают некоторые историки, она началась с появления новой, социалистической системы, против которой сразу же ополчился остальной мир. То есть еще в октябре 1917 года.

Американские историки Юджин Трани и Дональд Дэвис даже написали книгу «Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях». Нет сомнения, что правящие круги и большинство населения Западной Европы и Америки желали, чтобы советский режим был сокрушен еще в колыбели.

Такой же датировки придерживается Сергей Александрович Караганов: «Начало того, что мы сейчас называем холодной войной, естественно, датируется Октябрьской революцией. Тогда геоэкономический и геополитический элементы были теснее, чем когда-либо раньше, сращены с идеологией — коммунистической в её варианте прямого отрицания частной собственности. Пример Советской России — СССР показывал власть имущим всего мира, что из рук владельцев могут быть изъяты экономические активы — земля, фабрики, финансы, и это воспринималась как огромная угроза».

Когда закончилась «первая холодная война» и закончилась ли она вообще или плавно переросла во вторую, традиционно датируемую концом 1940-х — концом 1980-х годов, определить тоже трудно. Очевидно, что в ней были перерывы, связанные с установлением американским президентом Франклином Рузвельтом дипломатических отношений с СССР в 1933 году и сотрудничеством Советского Союза, США и Великобритании в годы Второй мировой войны.

Когда точно началась та холодная война, которую мы привычно называем этим именем, тоже сказать нельзя. Зависит от того, что считать холодной войной. Если это разворот к конфронтации с недавними союзниками по антигитлеровской коалиции, то его можно датировать различными датами и событиями. Таких знаковых событий было немало. И разработка в Великобритании плана «Немыслимое» — плана войны Запада с СССР. Это май 1945 года. И подготовка в США первых планов ядерного нападения на СССР. Это осень 1945 года. И Фултонская речь Уинстона Черчилля, где уже были озвучены все программные установки биполярной конфронтации. Это март 1946 года. А кто-то выносит начало холодной войны в 1947 год и связывает с принятием доктрины Трумэна и плана Маршалла. Или даже в 1949 год, когда была создана НАТО.

Как мне представляется, очевидная точка невозврата к партнерству времен Второй мировой — Фултон. 6 марта 1946 года курс на системную конфронтацию с СССР был вброшен западной стороной в публичную плоскость, что вызвало немедленную жесткую реакцию с советской стороны. Уже тогда закулисное стало явным, а дальше все просто катилось по наклонной плоскости, подчиняясь конфронтационной логике.

Весь период холодной войны почти вся мировая историография находилась под влиянием идейного противоборства двух сверхдержав, оправдывавших собственные действия и обвинявших противную сторону в негативных последствиях развязывания холодной войны и глобальной конфронтации. А сами исторические исследования и споры помогали их раздувать.

В Советском Союзе до начала перестройки Михаила Сергеевича Горбачева уверенно говорили об ответственности за развязывание холодной войны империалистических кругов США.

Главной причиной ее начала и постоянного обострения считались гегемонистские устремления американского правительства, транснациональных корпораций, военно-промышленного комплекса. Серьезно опасаясь роста популярности идей социализма, они не только начали холодную войну, но и целенаправленно вели подготовку к «горячей» войне с СССР и всеми странами социалистического лагеря, развязав гонку ядерных и обычных вооружений.

В перестроечном СССР и постсоветской России появились труды либеральных историков, работающих в разных странах, но пишущих на русском языке — А. А. Данилов, В. М. Зубок, В. П. Наумов, К. В. Плешаков — и авторов из числа «фолк-историков» (Б. В. Соколов, К. С. Закорецкий, Г. Х. Попов, В. Б. Резун), «доказывавших», будто это Сталин и его ближайшие соратники вынашивали планы развязывания новой мировой войны и завоевания мирового господства через разжигание социалистической революции в планетарном масштабе, что вызвало защитную реакцию Запада в виде холодной войны.

Большинство авторитетных современных российских историков начала холодной войны — И. И. Быстрова, Н. И. Егорова, В. Л. Мальков, М. М. Наринский, В. О. Печатнов, Е. Ю. Спицын, А. М. Филитов, — подвергли такие взгляды обоснованному критическому разбору.

В Соединенных Штатах традиционная, или «ортодоксальная», или либеральная школа историографии возлагала вину исключительно на Советский Союз. Политолог Эндрю Хейвуд суммировал ее кредо: «Захват Советами Восточной Европы стал выражением долговременных российских имперских амбиций, получивших новый импульс от марксистско-ленинской доктрины всемирной классовой борьбы, ведущей к установлению мирового коммунизма».

Такие известные американские историки и советологи, как Збигнев Бжезинский, Ричард Пайпс, Уильям Макнил, Герберт Фейс подчеркивали, что у истоков холодной войны лежали экспансионистские устремления «ленинско-сталинского социализма», непомерные личные амбиции и «идейный фанатизм Сталина», необходимость остановить советскую экспансию для защиты «ослабших западных демократий» путем проведения сугубо оборонительной политики, вступив в жёсткое противоборство с Советским Союзом.

Пайпс утверждал, что послевоенная внешнеполитическая экспансия СССР являлась следствием «внутренних факторов и имперской революционной идеологической доминанты внешней политики советского политического руководства».

Бжезинский и в конце жизни утверждал, что «после 1945 года евразийский гигант под названием Советский Союз, победно закрепившись в самом сердце

Европы, явно намеревался, как монголы семью сотнями лет ранее, прокатиться еще дальше на Запад». И в то же время «благодаря своему завидному экономическому и геополитическому положению в конце Второй мировой войны Америка обрела новый статус — хозяйки мировой арены». При этом «Западная Европа оставалась уязвимой для Советской державы, поэтому почти официально превратилась в протекторат Америки, попав к ней же в неофициальную финансово-экономическую зависимость».

Бжезинский также считал, что «соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом представляло собой осуществление излюбленных теорий геополитиков: оно противопоставляло ведущую в мире военно-морскую державу, имевшую господство как над Атлантическим океаном, так и над Тихим, крупнейшей в мире сухопутной державе, занимавшей большую часть евразийских земель... Геополитический расклад не мог быть яснее: Северная Америка против Евразии в споре за весь мир. Победитель добивался бы подлинного господства на земном шаре».

Ричард Хаас, возглавляющий сейчас американский Совет по международным делам, пишет, что Советский Союз своими действиями в Германии и Корее «обозначил готовность бросить глобальный вызов интересам США в Европе и Азии. Даже если кто-то с этим не согласен, справедливо будет отметить, что холодная война была в известной степени неизбежна, учитывая различные интересы и взаимоотрицание идеологий двух ведущих держав той эпохи».

Холодная война стала неизбежной тогда, считает британский историк Ричард Саква, «когда стало понятно, что советская власть пришла, чтобы остаться в странах Восточной Европы, освобожденных Красной армией от фашизма, а теперь вынужденных подчиниться великому советскому коммунистическому эксперименту».

Либеральная школа доминирует в США и на Западе в целом еще и потому, что подкрепляет самовозвеличивающий нарратив о Западе как о вечном и безусловном носителе добра. «Большинство американцев... верят, что Соединенные Штаты были мотивированы благими намерениями, а Советский Союз — нет. Либеральные теоретики, конечно, проводят различия между хорошими и плохими государствами, и они обычно определяют либеральные демократии с рыночной экономикой как наиболее достойные. Американцам нравится такая перспектива, потому что она определяет Соединенные Штаты как доброжелательную силу в мировой политике и изображает их потенциальных и реальных врагов как сбившихся с пути истинного и злонамеренных нарушителей спокойствия», — пишет представитель другой — реалистической — школы Джон Миршаймер.

Теоретики-реалисты исходили из того, что после Второй мировой войны две сверхдержавы — США и СССР — получили возможность и желание для взрывного роста влияния и экспансии, что сделало вражду между ними неизбежной. Эту вражду усугубили их сталкивавшиеся геополитические интересы в Европе и взаимное глубокое идеологическое недоверие. Сам Миршаймер считает: «Чисто реалистическая интерпретация холодной войны не предполагает значимого различия между американским и советским поведением во время

конфликта. Согласно реалистической теории, обе стороны руководствовались озабоченностью по поводу баланса сил, и каждая делала все возможное для максимизации своей относительной мощи».

Другой реалист — Генри Киссинджер — утверждал: «Крах нацистской Германии и необходимость заполнить образовавшийся в результате этого вакуум силы привели к распаду военного партнерства. Цели союзников просто сильно расходились. Черчилль стремился не допустить господства Советского Союза в Восточной Европе. Сталин хотел, чтобы ему за советские военные победы и героические страдания русского народа заплатили территориальной монетой. Новый президент Гарри С. Трумэн поначалу стремился следовать заветам Рузвельта, направленным на закрепление союза». Киссинджер считал, что Трумэн «верил в возможность сподвигнуть Сталина на “нормальное” поведение. И когда столкнулся с реальностью, говорящей о том, что на самом деле напряженность между Советским Союзом и Соединенными Штатами проистекает не по причине какого-то недоразумения, а носит общий характер, началась история холодной войны».

Вместе с тем в США и за их пределами в годы Вьетнамской войны (1960–1970-е) появилась «ревизионистская» литература, где ответственность за начало холодной войны возлагалась и на Соединенные Штаты. Здесь одним из первопроходцев выступал «новый левый» историк Габриэль Колко. В его глазах «советский экспансионизм» в Восточной Европе выступал как оборонительный, а не наступательный, мотивированный главным образом желанием создать буферную зону между собой и враждебным Западом и видеть Германию перманентно ослабленной.

Левые «ревизионисты» полагали, что именно США несут основную ответственность за возникновение холодной войны. Изначальной стратегической целью Вашингтона являлось переустройство мира» по «либерально-капиталистической модели», в рамках которой США имели бы неоспоримые преимущества для обеспечения мирового лидерства. Советский Союз оказался препятствием на пути реализации этого плана, а потому подвергся жесткому давлению Запада с помощью экономических санкций и гонки вооружений. США сознательно игнорировали законные интересы Москвы, а советские лидеры проводили в международных делах скорее оборонительную политику. Авторитетными «ревизионистскими» исследованиями считаются труды Джона Гэддиса, Даниэля Ергина, Мартина Макколя.

Появились уже и различные «постревизионистские» трактовки. Г.Лундстад, Т.Нафтали, М.Леффлер стали объяснять происхождение холодной войны естественными геополитическими противоречиями, а не злой волей руководителей сверхдержав или их идеологической непримиримостью. А есть уже и постпостревизионисты...

Для того, чтобы понять, кто, как, когда, почему, зачем начал холодную войну, нужно глубоко окунуться в фактуру тех событий мировой политики, которые произошли сразу после капитуляции гитлеровской Германии. Это мы сейчас и делаем.

ГЛАВА 1. ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В ночь на 9 мая 1945 года ни москвичи, ни ленинградцы, ни жители других городов и сел Советского Союза не спали. В 2 часа ночи по радио объявили, что будет передано важное сообщение. Люди включили приемники на полную громкость. В 2 часа 10 минут диктор Юрий Борисович Левитан прочитал Акт о военной капитуляции Германии. А затем и Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором 9 мая объявлялось Днем всенародного торжества — Праздником Победы.

После этого никто просто не смог усидеть в четырех стенах. Люди выбегали из домов, знакомые и незнакомые обнимались и целовались, поздравляя друг друга с Победой.

Я видел много воспоминаний людей, встретивших 9 мая 1945 года. Слышал много воспоминаний, в том числе от самых близких. И сделал один вывод: у людей, переживших этот день, просто не хватало слов, чтобы выразить ту безумную радость, смешанную с безмерной скорбью, которая их охватила.

Невозможно было не только проехать, но и пройти по центру Москвы. Там было сплошное людское море. Появилось множество красных знамен. Особенно «доставалось» людям в армейской форме: военных хватали, качали, целовали, их несли над толпой.

Народ ликовал от Владивостока до Бреста. К Москве устремлялись чувства и мысли тех, кто радовался на площадях Киева, Минска, Кишинева, Риги, Тбилиси, Еревана, Ташкента, Алма-Аты. Это, помимо прочего, был праздник единства всех народов, совместно добывавших Победу.

Люди в Софии, Варшаве, Праге, Белграде разделяли общую радость всем сердцем. Фотографии и кинохроника из этих столиц не оставляют на этот счет ни малейших сомнений. Радость от прихода Красной армии была безмерной, что бы ни говорили сейчас беспамятные дети и внуки тех, кого освободили наши отцы и деды.

В общенародном торжестве в Москве нашлось большое место и союзникам. По Всесоюзному радио, из динамиков звучали не только советский гимн, победные песни и марши, но и гимны союзных государств.

Английское посольство, как и сейчас, размещалось через реку от Красной площади, на Софийской набережной, где и народу-то не развернуться. Другое дело — посольство США, которое было рядом — на проспекте Маркса (ныне — Моховая улица, здание, где находится штаб-квартира АФК «Система»). Перед ним бушевало людское море, всячески порывавшееся выразить свои дружеские чувства и признательность американским союзникам. Москвичи

махали дипломатам руками, аплодировали, выкрикивали здравицы. Милиция с трудом сдерживала напор дружественной толпы.

Посол Аверелл Гарриман был в Америке, старшим должностным лицом в посольстве на тот момент оказался Джордж Кеннан, временный поверенный в делах. Какие мысли и чувства обуревали в тот день старшего дипломата союзной нам страны?

В своих воспоминаниях Кеннан их подробно опишет: «Я не помню, чтобы испытывал восторг по поводу окончания войны в Европе. Как все, я радовался прекращению кровопролития и разрушений на полях битв. Но я абсолютно не верил в возможность трехстороннего сотрудничества в управлении послевоенной Германией.

Около 10 часов утра на улице появилась колонна людей, преимущественно студенческой молодежи, которые маршировали со знаменами и пели песни. Заметив флаги союзных держав на здании “Националя”, а также американский флаг на нашем здании, они стали выкрикивать восторженные приветствия и выражать свои дружеские чувства по отношению к нам. На просторную площадь перед нашим зданием все прибывали люди, и к демонстрантам вскоре присоединились тысячи новых участников шествия. Мы были тронуты этими проявлениями дружеских чувств. Наши сотрудники вышли на балконы и махали руками москвичам в знак дружеского приветствия».

Наблюдая за происходящим из окна, Кеннан решил рядом со звездно-полосатым флагом установить также советский флаг, что вызвало восторженный рев собравшихся. В сопровождении сержанта в форме Кеннан поднялся на ступ у здания посольства и прокричал на русском:

— Поздравляю с Днем Победы! Слава советским союзникам!

Это вызвало новую волну восторга. Толпа подняла солдата, чтобы тот оказался на одном уровне с выступающим. Солдат принялся обниматься с американским сержантом, а затем утянул его вниз, в толпу. Наблюдая, как тот беспомощно качался над океаном рук, Кеннан предпочел ретироваться в здание посольства. Сержант вернется на следующий день.

Весь этот энтузиазм людей вызвал у Кеннана очевидное отвращение, который даже в тот момент видел во всем происходившем происки кремлевского режима: «Мне самому удалось избежать чего-то подобного и благополучно вернуться в наше здание. Конечно, советские власти не были довольны такой демонстрацией дружеских чувств москвичей по отношению к представительству страны, которая в Советском Союзе считалась буржуазной. Не трудно вообразить, какое неприятное впечатление все это должно было произвести на партийные власти. Специально, чтобы отвлечь внимание людей от общения с нами, на другой стороне площади вскоре соорудили помост, на котором начал выступать духовой оркестр, однако это не принесло ожидаемых результатов. Люди продолжали нас приветствовать. Бог свидетель, мы не делали практически ничего для привлечения внимания демонстрантов. Нам не хотелось быть причиной каких-то затруднений в день всеобщего торжества. Но мы были еще более бессильны, нежели власти, помешать происходящему». Как будто кто-то действительно пытался помешать народному восторгу.

В феврале 1946 года именно Кеннан отправит в Вашингтон ту «длинную телеграмму», которая ляжет в основу доктрины сдерживания Советского Союза — главной доктрины холодной войны.

В Москве ликовали штабы, условий для нормальной работы не было. Нарком Военно-морского флота адмирал Николай Герасимович Кузнецов был в Генеральном штабе: «День 9 мая прошел особенно оживленно. Всюду царило ликование... Утренний доклад об обстановке на флотах то и дело перебивался звонками телефонов. Установить обычный распорядок дня было невозможно, да и не хотелось. Докладывались только особо важные дела и подписывались исключительно спешные телеграммы. Все командующие флотами считали своим приятным долгом позвонить мне по ВЧ и поздравить с Победой.

В кабинет заходили офицеры из управлений наркомата: одни по делам, другие, без стеснения, под наплывом чувств, просто поздравить. Возникла непринужденная шумная беседа. Всех объединило одно: мы одолели врага и в данном случае не так уж важно, кому и где довелось принимать участие в борьбе. Незабываемый день! Кажется, вся Москва, вся страна жили тогда одними чувствами, забывая пережитые невзгоды. Победа!

Слово Победа у всех было на устах. Оно произносилось с одинаковым чувством радости и гордости за нашу Родину».

Но штабам нужно было продолжать работу: продолжались бои в Чехословакии, где по-прежнему сражалась миллионная немецкая группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Шёрнера.

«Не имея от Шёрнера приказов сдаваться в плен Красной армии, продолжая надеяться на относительно благополучный отход за линию американцев и заполучив в Праге соглашение на это с чешским Национальным Советом, группа армий «Центр» не складывала оружия, — отмечал заместитель начальника Генштаба Сергей Матвеевич Штеменко. — В районе Праги, куда стремительно рвались 4-я и 3-я гвардейские танковые армии генералов Дмитрия Даниловича Лелюшенко и Павла Семеновича Рыбалко, шли бои».

В Праге в это время поднявшие восстание патриоты вели бои с немецкими частями. В этот критический для судьбы Пражского восстания момент танковые армии 1-го Украинского фронта маршала Ивана Степановича Конева, совершив беспрецедентный 80-километровый бросок, на рассвете 9 мая вступили в Прагу. «Первыми ворвались в город с северо-запада танки 10-го гвардейского Уральского добровольческого корпуса (командир генерал-лейтенант Е. Е. Белов) армии Д. Д. Лелюшенко, — рассказывал сам Конев. — Почти сразу же вслед за ними с севера в Прагу вступили танкисты 9-го мехкорпуса (командир генерал-лейтенант И. П. Сухов) армии П. С. Рыбалко... К десяти утра Прага была полностью занята и очищена от противника войсками 1-го Украинского фронта». На одних улицах советских танкистов восторженно встречало население города, а на других им приходилось с ходу вступать в бой с немцами.

На рассвете 9 мая командование 2-го Украинского фронта во главе с маршалом Родионом Яковлевичем Малиновским мчалось на машинах по шоссе на Прагу. «В долинах рек стлался туман, на полянах горели солдатские ко-

стры, — вспоминал начальник штаба фронта Матвей Васильевич Захаров. — Войска нашего фронта, танки, автомашины, артиллерийские тягачи — все устремилось на помощь восставшим в чехословацкой столице. В одном из городов в глаза бросился плакат: “Красной армии — освободительнице — вечная благодарность человека!” Еще вчера здесь шли уличные бои, а сегодня население вышло на улицы, вывешены национальные и красные флаги, звонят колокола городской церкви. Из уст в уста передается радостная весть о конце войны, а в Праге продолжается ожесточенная схватка с фашистами, льется кровь советских солдат и чехословацких патриотов.

В первой половине того же дня к предместью города подошли передовые части 6-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта. Не дожидаясь подхода главных сил, наша 22-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника И. К. Остапенко после короткого ожесточенного боя к 13 часам вступила в Прагу, где соединилась с частями 1-го Украинского фронта... 7-я, 9-я гвардейские, 53-я и 46-я армии действовали на внешнем кольце окружения».

Здесь заканчивал боевой путь и мой отец, 28-летний капитан Алексей Дмитриевич Никонов, служивший в Отделе контрразведки «Смерш» 46-й армии 2-го Украинского фронта. В годы войны он заслужил орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медали «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». И, конечно, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Через несколько месяцев он вернется туда, откуда его и мобилизовали на фронт летом 1941-го, — в аспирантуру исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

В середине дня 9 мая немецкая оборона в Чехословакии полностью рассыпалась, войска просто бежали на запад. После трех часов, фиксировал Штеменко, «немецко-фашистские войска начали стремительный отход на юг. Но не капитулировали... Позвонили на 4-й Украинский. Там была такая же обстановка... По словам захваченных пленных, немецкое командование отводило войска “с целью капитулировать перед англичанами и американцами”. На 2-м Украинском — та же картина. М. В. Захаров сообщил, что противник отходит, но не сдается». Далеко не все немецкие подразделения сложили в тот день оружие. Боевые столкновения будут идти еще почти неделю.

К вечеру 9 мая Конев уже никак не мог прояснить оперативную обстановку в Праге. «На улицах шли сплошные демонстрации. При появлении советского офицера его немедленно брали в дружеский полон, начинали обнимать, целовать, качать. Один за другим попали все мои офицеры связи в окружение — поцелуи, угощения, цветы... Потом в этих же дружеских объятиях один за другим оказались и старшие начальники — и Лелюшенко, и Рыбалко, и подъехавший вслед за ними Гордов... Словом, день освобождения Праги был для меня очень беспокойным. Пропадали офицеры связи, пропадали командиры бригад и корпусов — все пропадали! Вот что значит и до чего доводит народное ликование!»

Битва за Прагу была тяжелой. «В эти дни особенно горько было видеть за привычными докладами с фронтов продолжающиеся жертвы, — читаем

у Штеменко. — За освобождение Чехословакии отдали свою жизнь свыше 140 тысяч наших солдат и офицеров».

Памятник Коневу беспамятные власти Праги снесли в год 75-летия Победы. А ведь это был памятник и тем 140 тысячам...

Заканчивались боевые действия в Прибалтике. В 10 утра 9 мая истекал срок ультиматума, установленный командованием 3-го Белорусского фронта Курляндской группировке немецких войск. Иван Христофорович Баграмян писал: «Верные условиям ультиматума, мы не пускали в ход оружия до установленного часа. Однако, как оказалось, фашисты понимали лишь язык силы. И мы применили ее. В результате этого последнего удара войск нашей 48-й армии более 30 тысяч солдат и офицеров немецко-фашистской армии во главе с тремя генералами вынуждены были капитулировать. Так вот и получилось, что в день Великой Победы, когда во всех городах и селах нашего необъятного государства царило невиданное ликование, мы еще продолжали с оружием в руках утверждать ее».

Фактически война не закончилась 9 мая. Но Победа уже была одержана. Маршал Константин Константинович Рокоссовский выражал чувства, которые испытывал, наверное, каждый фронтовик: «Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжелый и благородный, выше которого нет ничего на земле!»

Председатель Совета народных комиссаров, Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин выступил по радио 9 мая в 16.00 — после получения подписанного в Берлине Акта о безоговорочной капитуляции, доставленного в Москву специальным самолетом.

Наступил великий День Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной, объявила безоговорочную капитуляцию... Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами. Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не могла подняться»... Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капиту-

лируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он не собирается ни расчленять, ни уничтожить Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы! Слава нашей героической Красной армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

На Западном фронте 9 мая в течение дня немецкие войска продолжали сдаваться союзникам. Тридцать тысяч солдат на Нормандских островах, немецкие гарнизоны на островах Милос, Лерос, Кос, Тилос и Сими в Эгейском море. Капитулировал немецкий гарнизон на принадлежащем Дании острове Борнхольм в Балтийском море. Сдался немецкий гарнизон, уже более полугодом окруженный в Дюнкерке. К удивлению британских, французских и чешских офицеров, принимавших капитуляцию, комендант крепости вице-адмирал Фридрих Фризиус явился с собственным актом о капитуляции, уже подписанным.

В Лондоне основные празднества прошли еще накануне, но и 9 мая люди продолжали толпиться — у ворот Букингемского дворца, на Уайтхолле, Пикадилли, Трафальгурской площади, в Гайд-парке, на площади Парламента, у Сент-Джеймского парка. Дети ходили по улицам, завернувшись в американские, британские и советские флаги. Тысячи юнион-джеков, звездно-полосатых и серпасто-молоткастых, торчали из окон.

Премьер-министр Уинстон Черчилль все утро 9 мая работал в постели, в постели же и пообедал. В середине дня с дочерью Мэри он съездил в американское, французское и советское посольства, в каждом из которых поднимал бокалы за победу.

В Лондоне в тот день находился молодой дипломат (и сын старого революционера, бывшего посла в США и Японии) Олег Александрович Трояновский. Вот его рассказ: «Как и в Москве, это было время всенародного ликования. Где-то в середине дня в посольство позвонили из Министерства иностранных дел и сообщили, что премьер-министр Уинстон Черчилль сейчас поехал в посольство США, чтобы поздравить американцев с победой, а оттуда направится в наше посольство. Посол Федор Тарасович Гусев срочно собрал старших дипломатов, приказал привести в порядок представительские помещения, выставить напитки и закуски. Меня пригласили на всякий случай, если вдруг понадобится переводчик.

Вскоре в открытой машине, стоя ногами на сиденье и приветствуя прохожих известным знаком победы в виде латинского V, приехал Черчилль в сопровождении одной из своих дочерей. Как мне показалось, премьер уже был навеселе, что неудивительно, учитывая исторический характер отмечаемого события. Наш посол провел его в главный приемный зал, познакомил со старшими дипломатами и наполнил рюмки».

Черчилль произнес короткую проникновенную речь. Упомянул о вкладе Красной армии в победу над Германией, не преминув подчеркнуть, что Великобритания в течение двух лет в одиночку воевала с Германией. И завершил свою речь словами:

— Сегодня, когда народы всего мира празднуют великую победу, мои мысли обращаются к Сталину.

Тут он повысил голос и почти прокричал:

— Великому Сталину!

«Это было внушительно, хотя, на мой вкус, слишком выпренне», — заметил Трояновский.

Клементина Черчилль, которая в тот день была в Москве, из английского посольства послала телеграмму мужу: «Мы все собрались здесь, пьем шампанское в двенадцать часов и поздравляем тебя с Днем Победы».

Еще утром британский временный поверенный в Москве Робертс обратился в НКВД с просьбой организовать прием Клементины Черчилль в Кремле для передачи поздравления от мужа или хотя бы разрешить ей зачитать это послание по советскому радио.

Аудиенции у Сталина не будет, но Клементина получила возможность выступить. Естественно, после Сталина. Вечером она зачитала приветствие своего мужа по советскому радио. На следующий день оно было опубликовано в «Правде».

Клементина Черчилль была тогда в СССР в качестве гостьи моей бабушки Полины Семеновны Жемчужиной, супруги зампреда Совнаркома и наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова. Передо мной на столе фотография Клементины с дарственной надписью: «Мадам Молотовой. Чтобы напомнить Вам о той радости, которую Вы мне подарили, когда я была Вашей гостьей. Клементина Черчилль. Москва. 1945».

Вечером Черчилль, как и накануне, вышел на балкон Министерства здравоохранения, выходящий на Уайтхолл, где произнес перед толпой:

— Лондон — как гигантский носорог, как гигантский бегемот, говорит: «пусть делают, что хотят — Лондон выдержит». Лондон может выдержать все. Спасибо всем за то, что ни разу не оступились в эти чудовищные дни и в долгие ночи, черные, как преисподняя.

И тогда же Черчилль писал Командующему союзных войск в Европе генералу Дуайту Эйзенхауэру: «У меня вызывает беспокойство, что немцы должны уничтожить весь свой военно-воздушный флот по месту нахождения. Я надеюсь, что так не поступят с оружием и другой боевой техникой. Однажды все это может нам понадобиться. Даже сейчас может пригодиться во Франции и особенно в Италии. Я считаю, что мы должны сохранить все, что может быть полезным. Тяжелая пушка, которую я сохранил со времен прошлой войны, на этой войне регулярно стреляет с Дуврских скал». Это были наметки — не первые — того плана, который Черчилль предложит американцам через несколько дней. Его суть — совместно с немецкими войсками начать войну против СССР.

В Париже накануне почти миллионная толпа шествовала вслед за генералом Шарлем де Голлем по Елисейским полям до Триумфальной арки. Пе-

ред волнующимся морем голов и французских триколоров глава Временного правительства Франции произнес:

— Слава! Вечная слава нашим армиям и их руководителям! Слава нашему народу, который не сломили и не согнули страшные испытания! Слава Объединенным Нациям, которые смешали свою кровь с нашей кровью, свои страдания с нашими стараниями, свои надежды с нашими надеждами и которые сегодня торжествуют вместе с нами! Да здравствует Франция!

Французская армия тоже еще продолжала военные действия — против борцов за независимость Алжира. Историк Марк Ферро меланхолично замечал: «И разве кому-то было интересно знать, что 8 мая 1945 года, в день празднования Победы, в алжирском городе Константина в результате подавления восстания при помощи авиации погибло свыше 15 тысяч человек».

9 мая Сталин получил послание от де Голля: «В момент, когда длительная европейская война заканчивается общей победой, я прошу Вас, г-н Маршал, передать Вашему народу и Вашей Армии чувства восхищения и глубокой любви Франции к ее героическому и могущественному союзнику. Вы создали из СССР один из главных элементов борьбы против держав-угнетателей, именно благодаря этому могла быть одержана победа. Великая Россия и Вы лично заслужили признательность всей Европы, которая может жить и процветать только будучи свободной!»

Впрочем, вряд ли в этих словах было много искренности.

Советский посол при Временном правительстве Франции Александр Ефремович Богомолов писал в тот день в НКВД: «Победа над Германией празднуется в Париже без советских флагов и даже без упоминания в речах и в большинстве газет о роли СССР в этой войне. Очевидно, что праздник принимает по меньшей мере странный характер, так как является празднованием какой-то “сепаратной победы”, в то время как наши войска продолжают вести борьбу со значительными силами немцев.

В обстановке нарастающей политической реакции во Франции и в Англии это кажется довольно естественным.

Сегодня я завтракал у турецкого посла Менеменджиоглу. Там же присутствовали: генеральный секретарь МИД Франции Шовель, несколько французских чиновников и старый французский дипломат граф Шамбрэн. После завтрака Шамбрэн начал говорить, что война окончилась и нужно объявить полную амнистию всем вишистам, начав ее с Петэна. Чиновники МИД молчали. Менеменджиоглу заметил, что он не согласен с этим. Никто его не поддержал. Шамбрэн, ободренный молчанием Шовеля и прочих, стал доказывать, что политика Петэна была не так уж плоха, если в конце концов Франция разделяет с союзниками лавры победы. Надо перестать употреблять слово Виши в ином смысле, кроме названия города, известного своими водами».

А что же в Германии?

В конце войны выдающийся писатель Томас Манн выступил по немецкому радио, рассказывая о том, что он увидел в Освенциме. Многие его со-

отечественники предпочли не поверить. Однако потом были представлены доказательства.

9 мая немцы проснулись побежденными. Наступившая вдруг тишина была паразитической: ни взрывов бомб и снарядов. Никто не требовал светомакировки. Пришел мир, но совсем не тот, который обещал фюрер. Но и конец света, которого с ужасом ожидали, тоже не наступил.

Когда Сталин произносил свою речь по радио, в Вашингтоне было девять утра, в Сан-Франциско — шесть.

Президента Трумэна ждало поздравительное послание от советского лидера: «Народы Советского Союза высоко ценят участие дружественного американского народа в нынешней освободительной войне. Совместная борьба советских, американских и британских армий против немецких захватчиков, завершившаяся их полным разгромом и поражением, войдет в историю как образец боевого содружества наших народов».

Даже 8 мая, когда Трумэн объявил о победе над Германией, в США был обычный рабочий день, и празднества прошли только в некоторых больших городах. Цена победы для Соединенных Штатов была куда меньше, чем для нас или даже Англии с Францией, поэтому американцы отмечали не как мы, англичане или французы. И США продолжали войну — с Японией.

Война на Тихом океане продолжалась полным ходом. На Окинаве шестьдесят японских солдат, прорвавшихся в американские окопы, были убиты в рукопашной схватке. Американцы тоже десятками гибли в тот день, штурмуя японские укрепленные пункты.

На филиппинском Лусоне более тысячи японских солдат забаррикадировались в пещерах и отказались сдаваться, даже когда против них начали применять огнеметы. Через несколько дней все они погибли.

Во вьетнамском Лангшоне, где шестьдесят французов и бойцов Иностранного легиона пытались удерживать форт, японцы прорвались через укрепление. Немногочисленных выживших поставили к стене форта и расстреляли из пулеметов. Кто еще подавал признаки жизни, закололи штыками. Успевших бежать японцы выловили и обезглавили, включая местного командующего генерала Лемонье.

Государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус находился в Сан-Франциско, где продолжалась Учредительная конференция Организации Объединенных Наций. Надежды на послевоенное советско-американское сотрудничество продолжали таять даже в День Победы. Стеттиниус проводил совещания относительно будущего внешнеполитического курса Соединенных Штатов. На встрече в тот день было решено: 1) усилить давление на Кремль по польскому вопросу; 2) отдать приоритет экономической помощи Западной Европе за счет сокращения поставок по ленд-лизу в СССР.

Ну, а у советских представителей на Учредительной конференции ООН во главе с моим дедом, Молотовым, были уже все законные основания праздновать Победу и принимать поздравления. Приехав на американское радио,